

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4 (73). С. 70–74.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2022. Vol. 4 (73). P. 70–74.

Научная статья
УДК 93(470)*1941/1945"
doi: 10.54398/1818510X_2022_4_70

КОМПЛЕКС ЖЕРТВЫ В КОЛЛЕКТИВНОМ СОЗНАНИИ КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ОБЩНОСТИ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ

Косов Геннадий Владимирович^{1,2}, Маковская Дарья Владимировна²

^{1,2}Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

¹kossov1@yandex.ru³, <https://orcid.org/0000-0002-1422-895X>

²76mdvl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0935-2558>

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью обеспечения этноконфессионального согласия в Республике Крым и г. Севастополе. Целью исследования являлось установление и классификация ключевых паттернов виктимизации крымских татар г. Севастополя, выявление признаков присутствия и закрепления комплекса жертвы, обусловленного депортацией 1944 г., в коллективном сознании представителей этой этнической общности. Комплекс жертвы в исследовании рассматривается как совокупность реализующихся в социальных проявлениях психологических реакций, которые возникают вследствие влияния травмирующих исторических контекстов и общественно-политических условий развития социальных, в том числе этнических, общностей, а также представлений о них, и формируют у них поведение жертвы как на индивидуальном, так и коллективном уровне. Исследование опирается на концепцию феноменологического конструктивизма, конструктивистского структурализма и когерентного подхода к этнической идентичности. Эмпирическую базу исследования составили серия глубинных проблемно-ориентированных неструктурированных интервью. Исследование носило качественный характер, и его результаты не могут быть распространены на представления крымскотатарской общности г. Севастополя в целом, для чего требуется проведение дополнительных количественных исследований. В ходе исследования были выявлены присутствующая в регионе потенциальная возможность развития межэтнической напряженности, признаки готовности крымскотатарской общности города при формировании соответствующих условий сменить роль жертвы на роль преследователя и применять методы позитивной дискриминации большинства для достижения своих целей. Установлено, что усилия государственной власти, направленные на нивелирование комплекса жертвы в массовом сознании крымских татар на данный момент не в полной мере достигли своих целей, что актуализирует необходимость постоянной работы по соблюдению постоянного баланса в обеспечении потребностей и прав крымских татар, контактирующих этносов и государства.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, депортация, репатриация, крымские татары, контактирующие этносы, межэтнические отношения, виктимизация, комплекс жертвы, Крым, Севастополь, паттерны

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Севастополя в рамках научно-го проекта № 20-411-920003.

Для цитирования: Косов Г. В., Маковская Д. В. Комплекс жертвы в коллективном сознании крымскотатарской общности города Севастополя // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 4 (73). С. 70–74. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_4_70.

Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**VICTIM COMPLEX IN THE COLLECTIVE CONSCIOUSNESS
OF THE CRIMEAN TATAR COMMUNITY OF THE CITY OF SEVASTOPOL**

Gennadiy V. Kosov^{1,2}, Daria V. Makovskaya²

^{1,2}Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

¹kossov1@yandex.ru³, <https://orcid.org/0000-0002-1422-895X>

²76mdvl@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0935-2558>

Abstract. The relevance of the study is due to the need to ensure ethno-confessional harmony in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol. The aim of the study was to establish and classify the key patterns of victimization of the Crimean Tatars in the city of Sevastopol, to identify signs of the presence and consolidation of the victim complex, caused by the deportation of 1944, in the collective consciousness of representatives of this ethnic community. The victim complex in the study is considered as a set of psychological reactions that are realized in social manifestations, which arise as a result of the influence of traumatic historical contexts and socio-political conditions for the development of social, including ethnic, communities, as well as ideas about them, and form the victim's behavior in them as on individual as well as at the collective level. The study is based on the concept of phenomenological constructivism, constructivist structuralism and a coherent approach to ethnic identity. The empirical basis of the study was a series of in-depth problem-oriented unstructured interviews. The study was of a qualitative nature and its results cannot be extended to the ideas of the Crimean Tatar community of the city of Sevastopol as a whole, which requires additional quantitative research. The study revealed the potential for the development of interethnic tension in the region, signs of the readiness of the Crimean Tatar community of the city, when the appropriate conditions are formed, to change the role of the victim to the role of the persecutor and apply methods of positive discrimination of the majority to achieve their goals. It has been established that the efforts of the state authorities aimed at leveling the victim complex in the mass consciousness of the Crimean Tatars at the moment have not fully achieved their goals, which actualizes the need for constant work to maintain a constant balance in ensuring the needs and rights of the Crimean Tatars, the contacting ethnic groups and the state.

Keywords: Great Patriotic War, deportation, repatriation, Crimean Tatars, ethnic groups in contact, interethnic relations, victimization, victim complex, Crimea, Sevastopol, patterns

Acknowledgments: the research was funded by RFBR and the government of Sevastopol, project number 20-411-920003.

For citation: Kosov G. V., Makovskaya D. V. Victim complex in the collective consciousness of the Crimean Tatar community of the city of Sevastopol. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2022, no. 4 (72), pp. 70–74. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_4_70.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

В наиболее общем смысле термин "victimization" означает приобретение статуса потерпевшего или регистрацию в качестве потерпевшего, т. е. виктимизация – это процесс превращения человека в жертву преступления, конечный результат данного процесса [7, с. 80]. В основу нашего исследования заложено определение, предлагаемое в рамках социальной педагогики [3, с. 14], где данный феномен рассматривается как процесс и результат превращения человека или группы людей в тот или иной тип жертвы.

Применительно к этническим общностям мы будем говорить о комплексе жертвы как совокупности реализующихся в социальных проявлениях психологических реакций, которые возникают вследствие влияния травмирующих исторических контекстов и общественно-политических условий развития социальных, в том числе этнических, общностей, а также представлений о них, и формируют у них поведение жертвы как на индивидуальном, так и коллективном уровне. Присутствие комплекса жертвы приводит к негативной, конфликтной консолидации и мобилизации этнической общности, которая реализуется через культивируемую борьбу с идентифицированным врагом. Вину за присутствующие у жертвы проблемы в различных сферах жизни она возлагает на внешнее воздействие и стремится получить компенсацию за причинённый явный или воображаемый ущерб. Соответственно, в данном случае поведение этнической общности будет носить агрессивные компенсаторные черты и сопровождаться требованиями сатисфакции.

В нашем исследовании мы опираемся на концепцию конструктивного реализма или феноменологического конструктивизма, разработанную П. Бергером и Т. Лукманом, и положениях конструктивистского структурализма П. Бурдьё, которые являются основанием для выделения различных практик конструирования и закрепления комплекса жертвы в коллективном сознании крымских татар, влияния объективных и субъективных факторов на данный процесс.

При этом, используя методологические основы социального конструктивизма, мы можем говорить о виктимности как социальном феномене и качестве социальной реальности, выступающем как характеристика определённого общественного состояния. Соответственно, комплекс жертвы может конструироваться через внедрение в массовое сознание различных деструктивных версий восприятия прошлого и текущей действительности.

Этническая идентичность в исследовании рассматривается на основе когерентного подхода, согласно которому каждый из базовых подходов к этому понятию (примордиализм, конструктивизм и инструментализм) содержит важные составляющие, необходимые для полноценного и всестороннего анализа этого социально-политического феномена. Они не носят взаимоисключающего характера, а дополняют друг друга, ибо, по сути, рассматривают различные стороны одного и того же явления.

Эмпирическую базу исследования составили серия глубинных проблемно-ориентированных неструктурированных интервью, в ходе которых были опрошены 25 человек, идентифицирующих себя как крымские татары, из числа крымских татар, проживающих на территории Севастопольского региона. Возрастной диапазон респондентов составил от 12 лет до 93 лет. Исследование носило качественный характер и его результаты не могут быть распространены на представления крымскотатарской общности города Севастополя в целом, для чего требуется проведение дополнительных количественных исследований.

Основная часть

Ключевые паттерны виктимизации крымскотатарской общности г. Севастополя

Рассматривая ключевые паттерны виктимизации крымскотатарской общности г. Севастополя необходимо обратить внимание на некоторые её особенности.

Во-первых, крымские татары никогда не были на данной территории численно преобладающей группой, в отличие от ситуации в Республике Крым. По результатам переписи 1921 г., русские составляли 79,8 %, греки – 2,3 %, поляки – 2 %, украинцы – 1,8 %, караимы – 1,7 %, армяне – 1,4 %, крымские татары – 1,3 %. По результатам переписи 1939 г., доля русских составляла 70,51, украинцев – 14,16, евреев – 5,49, крымских татар – 4,28 [8, с. 542].

Значительные изменения этнического состава населения Севастополя произошли в годы Великой Отечественной войны, вследствие уничтожения населения нацистским оккупационным режимом, а также принудительного переселения 1944 г. (из Севастополя и его пригородных сёл было депортировано 229 армян, 439 болгар, 1053 грека, 497 крымских немцев, 12 319 крымских татар). В результате последующего процесса возвращения крымских татар на свою историческую родину к 2014 г. количество крымских татар в Севастополе составило 0,8 % [4, с. 34].

К местам компактного проживания крымских татар в Севастопольском регионе, где они не являются численно доминирующими, относятся: Балаклавский муниципальный округ – сёла Байдарской долины, сёла Терновка, Родное, Штурмовое, Хмельницкое; Качинский муниципальный округ – сёла Орловка, Полюшко, Вишневка; Нахимовский муниципальный округ – сёла Верхнесадовое, Фруктовое, Фронтное; г. Севастополь, г. Инкерман, Северная сторона г. Севастополя.

Второй особенностью является отсутствие в крымскотатарской общине г. Севастополя после возвращения из мест депортации активных проявлений публичной протестной активности и этнополитической конфликтности, свойственных Республике Крым самозахватов, что во многом объясняется незначительной численностью крымских татар в регионе, взвешенной позицией этнической элиты крымских татар и руководства города в украинский и российский период его истории. И сейчас крымские татары региона при общении демонстрируют лояльность российскому государству (*«Надо вот сейчас так жить, Россия пришла. Мы живем. И куда мы не лезем», жен., 64*). При этом для представителей крымскотатарской общности города не имеет принципиального значения, в составе какого государства будет находиться Крым, который для них является абсолютной самоценностью (*«Мне абсолютно всё равно где жить, главное, чтобы мои родные рядом были, я на родине я здесь родилась, я тут коренная. Мне без разницы какое государство, я отношу себя к Крыму, вот правда. ... Я крымчанка, всё, мне абсолютно всё равно, – Россия, Украина, Беларусь», жен., 28*).

К наиболее ярким проявлениям крымскотатарского фактора в публичном пространстве города можно назвать акцию по возвращению мечети в 1993 г. Начиная с 2014 г. единственным крупным публичным прецедентом, связанным с противоправной деятельностью представителей крымскотатарской общности, является дело севастопольской группы «Хизб ут-Тахрир» (организация, запрещённая в Российской Федерации). Для города в целом характерна относительно спокойная межэтническая и межконфессиональная ситуация.

Тем не менее, потенциальная возможность развития межэтнической напряжённости в регионе присутствует, что во многом связано с виктимизацией крымскотатарской общности г. Севастополя.

Говоря о ключевых паттернах виктимизации крымскотатарской общности г. Севастополя, можно выделить примордиальные и конструктивистские шаблоны виктимизации.

Примордиальные проявления в наибольшей степени свойственны для поколения, пережившего депортацию. Здесь чётко прослеживается не только индивидуальный травмирующий эффект депортации, но и боль, связанная с утратой «глубинной», примордиальной связи крымских татар с Крымом, которая произошла вследствие депортации и дальнейшей социализации потомков депортированных вне своей исторической родины:

«Народ исчезает. Исчез народ. Государству это на руку. Мы остались только», «Те, кто вырос в Узбекистане... у них нет в крови татарского. Мы растерялись, нас рассыпали. Нас рассыпали» (жен., 86 лет).

«Могу рассказать о своём детстве. Какие были леса чистые, какие были тропиночки, какие были фундуки. Всё помню» (жен., 93 года).

«Как только разговор начинается, у меня в груди начинает болеть. Я вспоминаю своего отца, я вспоминаю свою мать» (муж., 85 лет).

К конструктивистским шаблонам виктимизации можно отнести все контексты, связанные с частичной или полной утратой этнических маркеров, а также потерей прерогативных прав крымских татар на исключительное положение в Крыму, в том числе связанных с ликвидацией Крымской АССР.

В отдельную категорию можно выделить паттерны виктимизации, связанные с трансляцией различных версий причин принудительного переселения крымских татар.

Представители поколения, пережившего депортацию и родившиеся в местах временного расселения, как правило, отрицают факт коллаборационизма как такового со стороны крымских татар. В особенности это касается тех семей, где члены семьи воевали в рядах Советской армии (*«Не было никаких предателей», муж., 85 лет*).

В качестве причины депортации называется стремление очистить Крым от татар, в том числе рассматриваемое как реализация намерений России уже с периода присоединения Крыма в 1783 г. (*Очень многие в 1943 г. осенью, многие, кто знал, в потому что там говорили высокопоставленные. Они продавали дома в Крыму, уезжали на Украину и депортации не подвергались. Выселили только крымских. Территорию для чего-то освобождали, это точно», жен., 61: «А цель была одна, ещё во времена Екатерины. Крым без крымских татар», жен., 85*). Присутствует мнение о наличии планов по депортации ещё до войны (*«Вы знаете, мало кто об этом знает. Мы архивы поднимали в Москве. В 37 году в Ленинграде вот эти бланки, на которых нас должны были выселить, уже были отпечатаны», муж., 85*).

У молодого поколения присутствует наличие признания коллаборационизма крымских татар, но упоминаемого в контексте того, что коллаборационизм был свойственен не только этой этнической общности (*«Ну, я не буду отрицать этот факт. Это история, там тёмный лес на самом деле. Возможно были люди, которые перешли на сторону немцев. Но я не считаю, что это были только крымские татары. А тут взять и депортировать всю нацию, и что этим доказать?», жен., 28 лет*).

Следующую группу шаблонов виктимизации можно выделить по источникам трансляции виктимизирующих смыслов. В первую очередь, это трансляция виктимизирующих смыслов крымскими татарами, пережившими депортацию. Для крымскотатарской общности, сохранившей выраженные черты традиционного общества, в том числе его отдельные институты (Совет старейшин), данный паттерн виктимизации является наиболее значимыми. Старшее поколение продолжает пользоваться авторитетом, в особенности в сельской местности, и транслирует виктимизирующие смыслы, связанные с собственным травматическим опытом (*«Молодёжь, всё мы им рассказываем, они всё знают. У них тоже на душе болячки есть, но уже не до такой степени, как у нас», муж., 85; «Я своих детей вот с такого возраста учу, что я пережил, что пережила моя семья. Они все знают. Они знают, что это их родина, что они здесь будут по возможности жить, пока их отсюда, не дай бог...», муж. 82*).

Во-вторых, это трансляция виктимизирующих смыслов крымскими татарами родившимися в местах депортации. Здесь в основном присутствует опыт тяжёлого возвращения и обустройства на исторической родине, а также повторные травмы, связанные с «клеветой предателей» и непризнанием героической роли крымских татар в Великой Отечественной войне.

В-третьих, это огромный объём информационного контента, направленного на сохранение и закрепление комплекса жертвы в крымскотатарской среде. Кроме того, что «за постсоветский период истории Крыма созданы многочисленные средства памяти депортации, которые стали частью культурной памяти крымских татар. Эти средства обеспечивают нахождение темы депортации в коллективном дискурсе, разделяемом даже теми крымскими татарами, которые родились не в местах ссылки, а уже в Крыму» [5, с. 309].

Признаки присутствия и закрепления комплекса жертвы в коллективном сознании крымскотатарской общности

Выявляя признаки присутствия и закрепления комплекса жертвы, обусловленные депортацией 1944 г., в коллективном сознании крымско-татарской общности г. Севастополя необходимо отметить, что на виктимизацию этнических групп оказывают влияние следующие факторы:

1) объективные факторы – особенности исторического развития, этнокультурные условия, специфика социальной, экономической и политической жизни;

2) мезофакторы – этническое самосознание, особенности национального характера;

3) субъективные факторы – психологические свойства людей, влияющие на их способность к адаптации [6, с. 27].

Депортация крымских татар в 1944 г. принесла им колоссальные физические и психологические страдания, привела к негативным психологическим и социальным последствиям, наложила отпечаток на мировосприятие и психологию этого народа. Виктимные проявления в коллективном поведении и национальном самосознании крымских татар ярко проявились в их этнополитическом поведении в украинский период развития Крыма [2].

После перехода Крыма в состав Российской Федерации ситуация, в которой один из субъектов межэтнических отношений в Крыму (крымскотатарская общность), был подвергнут в прошлом насилию, но «продолжает оставаться в собственном восприятии жертвой», – сохраняется [9, с. 110–111]. Этому способствует то, что Крым является исторической родиной крымских татар, для которых высок уровень этнической консолидации, сформированный общей трагедией, необходимостью объединения для выживания в период возвращения, исповедованием ислама, а также наличием в прошлом собственной государственности.

После перехода Крыма в состав Российской Федерации был подписан Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 г. № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» [10], который оказал определённое влияние на нивелирование комплекса жертвы в массовом сознании крымских татар (*«Мы настроены жить здесь. В правах нас тут же реабилитировали. Мы так долго это ждали... А здесь только всё установилось и буквально день – два и узаконили. А знаете, как походка меняется, когда знаешь, что защищён»* (жен., 61 год).

Также отдельное внимание можно обратить на дистанцирование крымских татар региона от возможного участия в каких-либо протестных проявлениях, сосредоточенность на жизни общины (*«Честно говоря, по большому счёту, в политику мы не углубляемся. Наша община, мы занимаемся нашими, социальными вопросами», жен., 64 года*).

Тем не менее, результаты проведённого исследования позволяют говорить о сохранении и закреплении комплекса жертвы в массовом сознании крымских татар.

Основным его признаком является наличие ярко выраженной ущемлённой этнической идентичности, которая является следствием депортации 1944 г. или его проекцией. В её содержании можно выделить следующие компоненты:

1. Наиболее травмирующим является отсутствие должного, по мнению респондентов, признания роли крымских татар в Великой Отечественной войне. Характерным примером являются колоссальные сложности, возникшие с присвоением средней общеобразовательной школе № 46 имени Героя Советского Союза в Орловке (Мамашай) Абдраима Измайловича Решидова. Школа находится в населённом пункте, который является для Решидова родным. Несмотря на усилия севастопольской общины крымских татар, положительное решение по данному вопросу так и не было принято [1, с. 27–28] вследствие негативного отношения к такому решению отдельной частью этнического большинства. По мнению респондентов, отказ мотивирован личным неприязненным отношением к крымским татарам со стороны некоторых представителей депутатского корпуса и коллектива школы (*«Вот вы говорите, что надо жить мирно, дружно, уважать религию друг друга. Не получается. Вот есть у нас недруги, которые ненавидят... Ненавидят и явно показывают», жен., 64»*).

2. В интервью респондентов также прослеживается мнение о том, что массовом сознании контактирующих этносов сохраняется стереотип о крымских татарах как о народе-предателе, присутствует выраженная потребность его изменить (*«Надо снять клеймо», жен., 73 года; «Но многие говорили, что это заслуженно, что мы предатели», жен., 28 лет; «Не было никаких предателей», муж., 85 лет; «Они душой так думают уже... Выспали, мне 9 лет было, что я изменник родины, и до сих пор я изменник» жен., 86 лет*).

При этом стоит обратить внимание на то, что в молодёжной среде негативное отношение к себе не столь выражено, и зависит от круга общения (В. *«Вы ощущали на себе негатив со стороны других народов?» – О. «К себе лично – нет», муж. 25 лет*). Как прави-

ло, проявления негатива объясняются отсутствием необходимых знаний со стороны контактирующих этносов («И я поняла, откуда это пошло, от незнания вообще кто мы такие», жен., 28 лет).

3. Отсутствие должной, по мнению респондентов, компенсации за утраченное вследствие депортации имущество, невозможность вследствие этого обустроить свой быт и быт своих потомков. При этом ответственность за возмещение ущерба возлагается на современную российскую государственность, несмотря на то, что государства, к которому можно было предъявить претензии, уже не существует («Государство не компенсировало затраты», муж., 71 год; «Что мы оставили, пусть нам возвращают, пусть дом возвращают или деньгами можно», жен., 87 лет; «Как можно... я оставил свой дом, я оставил всё своё хозяйство, забрали всё. 500 рублей в месяц мне дают. Это же позор вообще», муж., 85 лет).

Особенно болезненным является вопрос с выделением земли («Нет земли в Севастополе для реабилитированных», муж., 71 год). Вопрос земли занимает особое место в проявлениях этнической ущемлённости, имеют место претензии на доминирующее право распоряжаться земельными ресурсами в Крыму, что, в свою очередь, связано с желанием получить статус коренного народа («Коренной народ имеет право на всё. Без коренного народа не имеют даже землю давать», муж., 85 лет).

4. Отсутствие представителей крымских татар во властных структурах всех уровней («Нету во власти наших крымских татар. Что здесь, что в городе, нет ни одного», муж., 65 лет). Это, по мнению респондентов, требует применения инструментов квотирования. При этом представительство во власти рассматривается в том числе и как способ защиты интересов народа в ситуации, когда крымские татары являются меньшинством и не могут через существующие процедуры решить необходимые для народа вопросы.

5. Отсутствие национально-территориальной автономии крымских татар. В данном вопросе респонденты апеллируют к созданной в 1921 г. Крымской АССР, рассматривая её как национально-территориальную автономию крымских татар. Стремление получить автономию обосновывается через необходимость возрождения народа, рассматривается как возможность избежать ассимиляции крымских татар, утраты этнической идентичности («Мир такой большой, нас так мало. Крым испокон веков наша земля. Больше нет нигде. Если земли нет, значит народа нет», муж., 61 год; «За этим идёт большой шлейф. Это национальные музеи, национальная культура, язык, школа», муж., 71 год; «Если бы было наша автономия... разве бы мы ходили просить, чтобы школу назвали именем Решидова», муж., 85 лет).

Помимо присутствия униженной этнической идентичности как следствия факта депортации 1944 г. имеет место готовность крымскотатарской общины города при формировании соответствующих условий к смене роли с жертвы на преследователя.

В украинский период в качестве преследователя, «по мнению крымских татар, выступали все не-татары», образ врага являлся обобщённым, в качестве спасателя выступала Украина и международные акторы, поддерживающие крымскотатарское национальное движение [2]. При этом с укреплением позиций межджлиса и статусных позиций крымских татар в целом, происходила постепенная смена роли с жертвы на преследователя.

С переходом Крыма в состав Российской Федерации условия для смены роли с жертвы на преследователя исчезли. Если говорить про крымскотатарскую общность г. Севастополя, то в роли преследователя сейчас зачастую выступает региональная власть и отдельные представители сообщества контактирующих этносов («А потом говорят, почему крымские татары не пошли на выборы... Не верим, не доверяем!», жен., 64 года), в роли спасателя – федеральная власть («Будет опять встреча, надо позвонить: школу не хотят назвать именем такого-то. Через два дня назовут», муж., 65 лет)¹.

При этом представители крымскотатарской общности настаивают на применении методов позитивной дискриминации большинства для достижения своих целей (В. «Т. е. власть, грубо, говоря, должна ломать большинство?») – О. «Ну а как? Власть хочет, чтобы был мир на территории, да?», муж., 71 год; «Нас же ломали, насильственно... Мы же принимали эти условия, любые, нас же не спрашивали», жен., 61 год).

Но внутренняя готовность к дрейфу в сторону роли преследователя, на наш взгляд, в данном случае имеет место быть, и такая ситуация несёт в себе явный конфликтогенный потенциал. Закрепление в массовом сознании комплекса жертвы несёт в себе риски развития межэтнической конфликтности и, что наиболее важно, способствует замыканию в себе, в своих этнических границах одной из наиболее крупных этнических групп полуострова, для которой Крым является исторической родиной, и без участия которой невозможно продуктивное устойчивое развитие данной территории. Соответственно, преодоление данной тенденции должно обладать серьёзной значимостью для государственных и общественных структур.

Выводы

К особенностям крымскотатарской общности г. Севастополя можно отнести их численное меньшинство в регионе и дистанцирование от участия в политической борьбе и публичных проявлениях протестной активности, сосредоточенность на жизни общины.

Тем не менее, потенциальная возможность развития межэтнической напряжённости в регионе присутствует, что во многом связано с сохранением и закреплением комплекса жертвы в массовом сознании крымских татар. Основным его признаком является наличие ярко выраженной ущемлённой этнической идентичности, которая является следствием депортации 1944 г. или его проекцией, и проявляется через присутствие мнений об отсутствии должного признания роли крымских татар в победе Советского Союза в Великой Отечественной войне, о сохранении в массовом сознании контактирующих этносов негативных стереотипов о крымских татарах, о недостаточной компенсации за понесённые вследствие депортации утраты и доступа крымских татар к власти.

При этом в риторике респондентов присутствуют признаки готовности крымскотатарской общности города при формировании соответствующих условий сменить роль жертвы на роль преследователя и применять методы позитивной дискриминации большинства для достижения своих целей. Можно говорить о том, что усилия государственной власти, направленные на нивелирование комплекса жертвы в массовом сознании крымских татар на данный момент не в полной мере достигли своих целей. В целом допустимо выразить сомнение в возможности окончательного решения данного вопроса, поскольку объём необходимой «сатисфакции», формируемый исходя из влияния комплекса жертвы на массовое сознание крымских татар, вряд ли будет совпадать с тем объёмом компенсации, который возможно реализовать в объективных реалиях политико-правового и социально-экономического устройства современного общества от регионального до международного уровня. Это актуализирует необходимость постоянной работы по соблюдению постоянного баланса в обеспечении потребностей и прав крымских татар, контактирующих этносов и государства. Кроме того, необходимо максимально эффективно вести работу по преодолению существующих в этнической плоскости стереотипов, реализации мер реабилитации и адаптации крымскотатарских репатриантов.

Список литературы

1. Асанова, Д. Звезда Героя / Д. Асанова // Севастополь многонациональный. – 2020. – № 5. – С. 27–28.
2. Велешко, Е. Н. Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымскотатарских репатриантов : дис. ... канд. пол. лит. наук / Е. Н. Велешко. – Симферополь, 2007. – 305 с.
3. Журлова, И. В. Социально-педагогическая виктимология / И. В. Журлова. – Мозырь : Мозырьский гос. пед. ун-т им. И. П. Шамякина, 2010. – 172 с.
4. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе / Федеральная служба государственной статистики. – Москва : Статистика России, 2015. – 279 с.

¹ Имеется в виду прямая линия с президентом Российской Федерации.

5. Муратова, Э. С. Память о депортации как фактор этнополитической мобилизации крымских татар / Э. С. Муратова // Управление региональными конфликтами в условиях цифровизации современного общества: методология и практики реализации. – Казань : Казанский ун-т, 2021. – С. 300–312.
6. Одинцова, М. А. Психологический анализ факторов виктимизации белорусов и россиян / М. А. Одинцова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Психология. – 2012. – № 45. – С. 26–31.
7. Ривман, Д. В. Криминальная виктимология / Д. В. Ривман. – Санкт-Петербург : Питер, 2002. – 304 с.
8. Севастополь : энциклопед. справочник. – 2-е изд., доп. и испр. – Севастополь : Национальный музей героической обороны и освобождения Севастополя ; Салта, 2008. – 1120 с.
9. Сеньюшкина, Т. А. Этнонациональная конфликтность в Крыму как виктимологическая проблема / Т. А. Сеньюшкина // Культурный обмен и формирование толерантности в многоэтничном гражданском обществе: мат-лы семинара (17 июня 2003 г.). – Симферополь : Фактор, 2003. – С. 110–111.
10. Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 года № 268 «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» // Российская газета. – 2014. – 23 апреля.

References

1. Asanova, D. Zvezda Geroya [Star of the Hero]. *Sevastopol mnogonatsionalnyy* [Sevastopol is multinational]. 2020, vol. 5, pp. 27–28.
2. Veleshko, E. N. *Vliyaniye viktimnykh faktorov na politicheskoye povedeniye krymskotatarskikh repatriantov* [Influence of victim factors on the political behavior of the Crimean Tatar repatriates]. Simferopol; 2007, 305 p.
3. Zhurlova, I. V. *Sotsialno-pedagogicheskaya viktimologiya* [Socio-pedagogical victimology]. Mozyr: Mozyr State Pedagogical University I. P. Shamyakina; 2010, 172 p.
4. *Itogi perepisi naseleniya v Krymskom federalnom okruge* [Results of the population census in the Crimean Federal District]. Moscow: Statistics of Russia; 2015, 279 p.
5. Muratova, E. S. *Pamyat o deportatsii kak faktor etnopoliticheskoy mobilizatsii krymskikh tatar* [Memory of deportation as a factor in the ethno-political mobilization of the Crimean Tatars]. *Upravleniye regionalnymi konfliktami v usloviyakh tsifrovizatsii sovremennogo obshchestva: metodologiya i praktiki realizatsii* [Management of regional conflicts in the conditions of digitalization of modern society: methodology and implementation practices]. Kazan: Kazan University; 2021, pp. 300–312.
6. Odintsova, M. A. *Psikhologicheskiy analiz faktorov viktimizatsii belorusov i rossiyan* [Psychological analysis of the factors of victimization of Belarusians and Russians]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Psikhologiya"* [Bulletin of the South Ural State University. Series "Psychology"]. 2012, vol. 45, pp. 26–31.
7. Rivman, D. V. *Kriminalnaya viktimologiya* [Criminal Victimology]. St. Petersburg: Piter; 2002, 304 p.
8. *Sevastopol: entsiklopedicheskiy spravochnik* [Sevastopol: encyclopedic reference book]. 2nd ed., add. and correct. Sevastopol: Nacionalnyy muzey geroicheskoy obrony i osvobodzheniya Sevastopolya, Salta; 2008, 1120 p.
9. Senyushkina, T. A. *Etonatsionalnaya konfliktnost v Krymu kak viktimologicheskaya problema* [Ethno-national conflict in Crimea as a victimological problem]. *Kulturnyy obmen i formirovaniye tolerantnosti v mnogoetnichnom grazhdanskom obshchestve* [Cultural exchange and the formation of tolerance in a multi-ethnic civil society]. Simferopol: Factor; 2003, pp. 110–111.
10. Указ Президента Российской Федерации от 21 апреля 2014 года № 268 "О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития" [Decree of the President of the Russian Federation of April 21, 2014 No. 268 "On measures for the rehabilitation of the Armenian, Bulgarian, Greek, Crimean Tatar and German peoples and state support for their revival and development"]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian newspaper]. 2014, April 21.

Информация об авторах

Косов Г. В. – доктор политических наук, профессор;
Маковская Д. В. – кандидат политических наук.

Information about the authors

Kosov G. V. – Doctor of Political Sciences, Professor;
Makovskaya D. V. – Candidate of Political Sciences.

Вклад авторов

Косов Г. В. – разработка концепции исследования, обоснование цели статьи, написание текста, предварительные выводы;
Маковская Д. В. – научное руководство, проведение и обработка глубинных проблемно-ориентированных неструктурированных интервью, доработка текста, итоговые выводы.

Contribution of the authors

Kosov G. V. – development of the research concept, substantiation of the purpose of the article, writing text, preliminary conclusions;
Makovskaya D. V. – scientific guidance, conducting and processing indepth problem-oriented unstructured interviews, text revision, final conclusions.

Статья поступила в редакцию 04.07.2022; одобрена после рецензирования 20.07.2022; принята к публикации 30.09.2022.

The article was submitted 04.07.2022; approved after reviewing 20.07.2022; accepted for publication 30.09.2022.